

Отзыв научного руководителя
на диссертацию
Магарил-Ильяевой Татьяны Георгиевны,
представленную на соискание
ученой степени кандидата филологических наук:
**«ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1840-Х – НАЧ. 1860-
Х ГОДОВ КАК «ЕДИНЫЙ ТЕКСТ»»**

Диссертация Татьяны Георгиевны Магарил-Ильяевой «Произведения Ф.М. Достоевского 1840-х – нач. 1860-х годов как «единый текст»» представляет собой качественное, комплексное, оригинальное и глубокое исследование раннего творчества Ф.М. Достоевского, с ясно прописанными принципами и методом исследования. Работа четко структурирована, развернутое оглавление делает ее прозрачной для читателя.

Работа характеризуется очень высоким уровнем методологической исследовательской осознанности, не часто встречающейся при написании первой научной квалификационной работы, даже если это теоретическая работа, которая должна отличаться от работы по истории литературы во-первых и в главных методологической проработанностью – и это очень важное ее достоинство.

Вообще же, желая отметить особые достоинства работы, теряешься из-за их обилия – и необходимости при этом написать короткий текст. Отмечу здесь то, что может остаться недостаточно замеченным при беглом ознакомлении, а, между тем, важно.

В числе прочих принципов исследовательница заявляет очень важный теоретический и методологический тезис: прослеживая возможные влияния биографии на творчество писателя, мы априори исходим из искаженной картины, поскольку описываем не влияние биографических событий на творчество, а влияние *известных нам* биографических событий на творчество. То есть – мы сопоставляем членам одного известного нам множества – художественных текстов – члены другого множества, известного нам лишь отчасти. Очевидно, что мы можем очень заблуждаться при таком сопоставлении, поскольку может оказаться, что – в пределе – ВСЕ известные нам члены второго множества не имеют отношения к членам первого множества – в силу того, что им сопоставляются именно *неизвестные* нам события. Исследовательница делает отсюда единственно возможный вывод: при определении *жизненного* содержания важных этапов биографии писателя исходить надо из тех смысловых линий, которые даны нам в первом множестве – художественных текстов; лишь из их интерпретации можно сделать вывод о том, что по-настоящему занимало автора в то время, и лишь на основании такой интерпретации возможно выявить *действительно* важные и повлиявшие на внутреннее

устройство личности автора жизненные события из тех, что нам известны, и высказать предположения о тех, что нам неизвестны.

Методологическая отчетливость проявляется и в разборе предшествующих труду автора исследований, касающихся перевода Достоевским романа Бальзака «Евгения Гранде». Именно методологическая проработка позволяет автору сделать очевидное – и до сих пор никем не сделанное – утверждение: *оценивая качество перевода Достоевского и его смысловое и эмоциональное соотношение с оригиналом, нельзя строить работу на сопоставлении участков текстов без сопоставления их общих концепций*. Ибо то, что кажется при первом подходе внесенным в текст Достоевским концептуальным изменением, при втором подходе открывается как всего лишь тщательная работа переводчика, путем дополнений стремящегося довести текст до той концептуальной высоты, которая была заложена в оригинале.

Надо отметить несомненную методологическую важность того, что исследовательница начинает свою работу с произведениями Достоевского именно с анализа первой публикации писателя – а не с разбора «Бедных людей», поскольку, например, именно из «Евгении Гранде» Бальзака молодой Достоевский получает подтверждение (если не оформление) своей метафизической концепции женщины как места наиболее отчетливо проявленного присутствия Бога на земле, как той, что стоит на лестнице существ на следующей ступени после мужчины, который должен подняться к ней непрерывным усилием по преобразению себя – концепции, отчетливо выраженной в пяти великих романах – и не выводимой с очевидностью из докаторжного творчества Достоевского без обращения к «Евгении Гранде».

К важным достижениям автора можно отнести описание ею ключевого термина работы: предлагаемое определение ряда произведений как «единого текста» на основе единой авторской задачи, состоящей в решении фундаментального вопроса бытия, и завершения единого текста в момент радикального переформулирования, а вернее – реформатирования проблемы вследствие глубинных изменений личности автора. «Единый текст» применительно к произведениям автора определенного периода может формироваться в том случае, если автор ставит для себя некую задачу (можно сказать – глобальную философскую задачу), которую пытается решить разными способами в разных произведениях, поскольку решение или его почему-либо не удовлетворяет, или не является полным и исчерпывающим, или изначально предполагает необходимость рассмотрения в разных аспектах в рамках различных завершенных историй (которые в иных обстоятельствах вполне могут войти в пределы одного текста, например, большого романа), или оказывается неочевидным для читателей. В любом случае, однако, он

получает определенный творческий и экзистенциальный опыт, вследствие которого приходит к следующему произведению несколько измененным, с еще открывшимся видением проблемы. Создание одного произведения с определенным решением может открывать новый аспект той же задачи, становящийся ключевой проблемой в следующем произведении. Опыт обратной читательской связи дает возможность попытаться проговорить уже найденный ответ в иной форме, что, естественно, по-новому раскрывает и саму формирующую произведение идею. Границы единого текста определяются либо сменой базовой задачи, либо (на практике, конечно, как правило – и... и...) радикальным изменением формы и объема произведений, становящихся записью процесса решения этой задачи. Ядро единого текста определяется исследователем через нахождение базовой задачи для произведений данного периода творчества. Возможно было бы говорить о появлении нового единого текста при смене алгоритма авторских решений, но, на практике, смена алгоритма решений показывает, что задача уже поставлена иным образом, даже если на первый взгляд это совсем не очевидно.

Безусловно важно произведенное в диссертации введение раннего творчества Достоевского в контекст духовной и мистической литературы эпохи.

К большим удачам автора можно отнести анализ концепта «квартира»/«поиски/съём квартиры» в ранних текстах Достоевского, анализ «Маленького героя» и «Ползункова» - произведений, несколько обойденных вниманием исследователей творчества Достоевского в большой мере в силу того, что они практически не поддаются привычным методам анализа. На примере работы автора с термином «комическое» у Достоевского можно учить студентов правильной аналитической работе с *авторскими* концептами, превращающей эти концепты в способы постижения уникального смысла – вместо привычного подверстывания этих концептов под общие и «общеупотребимые» категории.

Представленная кандидатская диссертация является в перспективе ценной и востребованной книгой о раннем творчестве Достоевского и о методологии и методиках работы с текстом, нуждающейся для своего завершения в самой незначительной доработке.

Доктор филологических наук, зав. научно-исследовательским Центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Т.А. Касаткина